

КИНО

По Чехову

Кинорежиссер Витаутас Жалакявичус широко известен. С большим успехом прошли его картины «Никто не хотел умирать», «Это сладкое слово — свобода!», «Кентавры». Гражданственно страстные, посвященные большим социальным и политическим проблемам, эти фильмы Жалакявичуса сняты по его же сценариям. И поэтому новая работа режиссера — «Рассказ неизвестного человека» по повести Чехова — на первый взгляд может показаться неожиданной. Сценарий для экранизации Чехова Жалакявичус написал сам: назерное, иначе и не могло быть. Режиссерское присутствие в фильме, мысли и чувства по поводу происходящего, отношение к героям и событиям постоянно ощутимы: перед нами «рассказ» в пересказе Жалакявичуса.

...В петербургский дом камерюнкера Орлова поступает новый лакей — Степан. Однако он не тот человек, за которого себя выдает. Моряк, офицер, «бывший социалист», потом каторжный, ссыльный, и цель у него определенная — при возможности убить отца Орлова, крупного сановника, которого считает виновником своей судьбы. Будучи лакеем, «Степан» (которого зовут на самом деле Владимиром Ивановичем) узнает о романе Орлова-сына с молодой женщиной Зинаидой Федоровной. А через какое-то время Зинаида Федоровна, неожиданно бросив мужа, переезжает в дом Орлова. Но из их сожительства ничего не выходит, и свидетелем драмы становится лакей.

Повесть «Рассказ неизвестного человека» Чехов начал писать, когда ему было двадцать семь — двадцать восемь лет, поначалу не имея намерения печатать ее где-либо, но позднее, когда писателю исполнилось тридцать три года, повесть была опубликована в журнале «Русская мысль». Возможно, в двух героях этой повести двадцатисемилетний Чехов вел для себя самого поиск смысла, сути жизни и любви. Недаром поначалу он писал повесть «просто так». Столько искреннего, интимного в переживаниях его героев.

Известно, что молодой Чехов очень любил изображать кого-нибудь, шутить, иронизировать. Однако в поздних произведениях многое как бы спрятано.

Вот Жалакявичус и старался поискать «спрятанное» в «Рассказе неизвестного человека». В повести камерюнкер Орлов иронизирует по всякому поводу. Однако, если вдуматься, это ирония на грагической основе: Орлов не может найти себя, свое место. Жалакявичус эту чеховскую основу «приподнял». Для него главное — трагедия человека, оказавшегося незауряднее своего времени. В фильме все это в большей степени относится к Георгию Орлову, но в определенной мере и к «Степану».

Перед уходом от Орлова «Степан» оставляет ему письмо, полное осуждения и барина, и самого себя. Жалакявичус хочет вызвать зрительское сочувствие к ним обоим, желание понять этих людей. Вот отчего он показывает их трагическими героями.

Орлова играет Георгий Тараторкин. В его исполнении чеховский персонаж очень привлекателен и кажется более значительным, чем в повести, быть может, более трагичным. Красивое лицо с небольшой бородкой. Тонкие пальцы, изысканная манера, воспитание, интеллект. Удивительно хорошо получился у Тараторкина этаким петербуржец, барин, аристократ, скрывающий, что притом он и аристократ духа. Перед нами — «лишний человек» по Чехову, без всякого романтического флера. Артист передает внутреннюю

жизнь своего героя. Его интересно слушать, потому что он говорит размышляя. Все естественно в нем — и ровная сдержанность, и надменное достоинство, и выразительный, чуть надтреснутый голос, и печаль в глазах, словно залегшая на дно души. Но противоестественна сама жизнь этого человека, ее тоскливая обыденность, заурядные приятели, заурядные разговоры, карты, неудобная богато квартира, противоестественно желание принимать все за должное, когда даже протест бессмыслен. Очень убедительно скажет он Зинаиде Федоровне: «Если я подум в отставку, стану мечтать вслух и улусу в иной мир, то, вы думаете, этот мир будет мне менее ненавистен, чем служба?» Однако скепсис сделал Орлова человеком черствым, неспособным любить, он обречен на одиночество.

А что же Зинаида Федоровна? В повести Чехова она чем-то напоминает тургеневскую женщину — романтична, женственна, стремится к возвышенной любви, к осмысленной жизни. Тем не менее Чехов ясно донести, что любовь «возвышенной» Зинаиды Федоровны эгоистична и требовательна: замыкая свою духовную жизнь на любимом, она стремится заключить его в эту жизнь, как в крепость. Жалакявичус поручил Зинаиду Федоровну Евгении Симоновой. Тургеневскую женщину она не напоминает, да и на чеховскую не похожа, скорее принадлежит миру Достоевского. Все в ее героине доведено до чрезмерности: взвинченна, нервозна, истерична, навязчива, несчастна. В любовь к ней Орлова поверить трудно, уж больно велика разница человеческих потенциалов. А вот в невыносимость ситуации главного персонажа верить вполне. Жалакявичус за счет Зинаиды Федоровны подчеркнул симпатии к чеховскому «лишнему человеку».

«Степан» в повести — главное лицо, рассказчик. Чехов в письме к издателю называл его «бывшим социалистом». Его прошлая жизнь была богата внешними событиями и интенсивна внутренне. Необычно и нынешнее его положение в доме Орлова. К сожалению, Александру Кайдановскому не удалось передать сложную, мятущуюся судьбу героя Чехова. На протяжении всего фильма «Степан» вял, скучен, однообразен.

Пожалуй, самая слабая часть фильма — пребывание в Италии «Степана» (уже ставшего Владимиром Ивановичем) и Зинаиды Федоровны. Впечатление такое, что Жалакявичус уже сказал обо всем, что его волновало в повести Чехова. Остальное ему не важно. Нищие улочки и пустынные пляжи, куда он почему-то помещает своих героев, кажутся ненатуральными. А ведь именно благодаря Италии «Степан» открыл в своих духовных исканиях их подлинную суть: человек создан для самоотверженной любви...

В финале картины интересно было снова очутиться в квартире Орлова. Увидеть его последнюю встречу со «Степаном» и в неожиданной откровенности Орлова — Тараторкина понять, какой ценою ему дается его ничемная жизнь, все же веря, что когда-то в ней обнаружится хоть какой-то смысл...

Перебирая в памяти лица героев фильма Жалакявичуса — Орлова, Зинаиды Федоровны, «Степана», — я вспоминаю слова Александра Грина: «...появится множество людей, не достигших цели». Когда-то в одном из интервью Жалакявичус сказал, что для него кино есть возможность говорить со зрителем о жизни. Такую возможность он использовал и на этот раз.

Галина МАРЧЕНКО